

[Читать статьи](#) | [О журнале](#) | [Редакция](#) | [Загрузить статью](#) | [Авторам](#) | [Научная этика](#) | [Вход](#)

Вып. 1	Вып. 2	Вып. 3	Вып. 4	Вып. 5	Вып. 6	Вып. 7	Вып. 8	Вып. 9	Вып. 10	Вып. 11	Вып. 12	Вып. 13
2015	2015	2016	2016	2017	2017	2018	2018	2019	2019	2020	2020	2021

Поделиться...

Агапонько В. В., Скоропадская А. А. Сюжет об Эроте и Психее: от античности до наших дней // Филологические исследования. 2018. Т. 7, URL: <http://academy.petsu.ru/journal/article.php?id=3341>. DOI: [10.15393/j100.art.2018.3341](https://doi.org/10.15393/j100.art.2018.3341)

Филологические исследования

УДК 82

СЮЖЕТ ОБ ЭРОТЕ И ПСИХЕЕ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

АГАПОНЬКО

Валерия Валерьевна

ПетрГУ

СКОРОПАДСКАЯ

Анна Александровна

ПетрГУ

Ключевые слова:

миф
Психея
Эрот
Апулей
традиция
интертекстуальность.

Аннотация: В статье рассматривается интертекстуальность сюжета об Эроте и Психее, наиболее полная версия которого приводится во вставной новелле романа Апулея «Метаморфозы, или Золотой осёл». Анализируется развитие образов Эрота и Психеи от первого упоминания Гесиодом до романа К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» (1956), выявляются основные тенденции обращения к апулеевскому мифу — от развлекательного характера до философской трактовки. Актуальность статьи обосновывается недостаточным изучением произведений, использующих образы Амура и Психеи. В ходе исследования были определены различия и сходства заимствования мифа Апулея в отечественной и зарубежной литературе, проанализировано появление образа «Душечки» у русских классиков – Богдановича, Пушкина и Чехова.

Текст статьи

История Амура и Психеи — один из самых ярких мифов античности, потрясающий своим неисчерпаемым аллегорическим смыслом и навсегда остающийся в памяти. Обращения к нему в литературных произведениях различных эпох становятся предметом анализа настоящей статьи.

Первые упоминание об Эросе мы находим в поэме Гесиода «Теогония» (VIII-VII вв до н.э.):

*Сладкоистомный - у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает. (11, 24)*

Изначально Эрос представляет собой одного из древнейших богов — прекрасную, но лишаящую разума силу. Примечательно, что уже это литературное упоминание содержит важную, на наш взгляд, характеристику — «душу... покоряет». Душа — вот главная цель и главный интерес Эроса.

Упоминание о нём встречается у Алкея (VII-VI вв до н.э.):

*Всех сил бессмертных юный тот бог страшней,
Кого — богиня в легких сандалиях —
От златокудрого Зефира*

Радуга нам родила, Ирида. (3, 50)

По версии Алкея, Эрос – порождение Зефира (считался у греков одним из самых сильных, непостоянных ветров, приносящим дожди и бури) и быстрокрылой Ириды, богини радуги, проводницы между небом и землей, носительницы божественного знания. От своих родителей Эрос наследует непостоянность, двойственность в образе, полёт, связь между людьми и богами. Он трансформируется из прекраснейшего бога в самую страшную силу. Примерно в это же время было написано стихотворение Алкмана, в котором Эрот изображён мальчиком-шалуном, чьи игры несут страшную бурю для беспомощного сердца («Эрос это бешеный дурачится, как мальчик. / Сердце, берегись его!» (3, 100)).

Следуя за Гесиодом, Софокл в трагедии «Антигона» показывает беспредельную власть Эрота над людьми и богами, ведущую к безумию. («Подводный мир чует твой лет; в чаще лесной гость ты, / Вся бессмертная рать воле твоей служит» (23, 150), «Всех покорил людей ты - / И, покорив, безумишь» (23, 151)). Стихия Эрота - иррациональность, отсутствие порядка («Ты и ныне лихую разнь / В эти души вселил родные» (23, 151)). Раскрывается образ Эрота и у Еврипида в трагедии «Ипполит». Он всё так же всемогущ («Чары его / И в чаще, и в волнах тайных / Зверей укрощают и все, / Что дышит в сиянии солнца») (12, 222), его бездумные действия сравнимы с пламенем («И если он бурный полет / На чье-нибудь сердце направит, / То дикое пламя мгновенно / От золота крыльев / Там вспыхнет любви и безумья») (12, 222). Рождение Эрота описывает и Аристофан в комедии «Птицы»:

*Хаос, Ночь и Эреб – вот что было сперва, да еще только Тартара бездна.
Вовсе не было воздуха, неба, земли. В беспредельном Эребовом лоне
Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла. Но сменялись годами
Быстролетные годы, и вот из яйца появился Эрот сладострастный.
Он явился в сверкании крыл золотых, легконогому ветру подобный.
С черным Хаосом в Тартаре сблизился он, в беспредельной обители мрака,
И от этого мы появились на свет, первородное племя Эрота.
Все смешала Любовь. И уж только потом родились олимпийские боги. (6, 417)*

Описывая появление Эрота, Аристофан идёт вслед за Гесиодом: Эрот – один из древнейших богов, сын Ночи и Ветра. По Аристофану, Эрот появляется из яйца. Он – источник любой жизни, света и гармонии во Вселенной. Полноценный образ Эрота создаёт Сократ в диалоге Платона «Пир». Сократ рассказывает историю о появлении Эрота, в которой он является сыном Пороса, то есть богатства, и Пеннии – бедности, «и, как истинный сын своей матери, из нужды не выходит. Но с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному. <...> По природе своей он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять» (19, 335) Будучи сыном своих родителей, Эрос воплощает в себе постоянное желание, нужду, но нужду в прекрасном. Прекрасный Эрот помогает душе «забеременеть» духовной красотой и произвести на свет нечто прекрасное. Позже Эрот упоминается, например, у Аполлония Родосского в «Аргонавтике», где Эрот – игривый пухлый малыш, выполняющий жестокие приказания матери Афродиты за мяч, при этом малыш Эрот сам не представляет, каким образом обернется его игра, он творит её бессознательно; у Мосха, где Эрот – сплошное зло и лукавство («И зол его ум, хоть и сладостны речи», «Хитер и на злостные шутки охотник» (1, 86)). При этом его образ часто связан с огнём, хаотичной, пожирающей стихией. Эрот в прямом смысле разжигает страсти в душе («Всего же страшней тот факел, который / Носит всегда при себе. Он бы мог им спалить даже солнце» (1, 86)). Во втором веке нашей эры образ Эрота разрабатывает Лонг в романе «Дафнис и Хлоя». Лонг примиряет противоречие между Эротом в образе малыша и Эрота – древнейшего из богов: «И я вовсе не мальчик, и если я мальчиком с виду кажусь, то на самом деле я Кроноса старше и всех его веков» (7, 189). Пастух Филет превозносит роль Эрота выше любого из богов: «Такова его мощь, что и Зевсу с ним не сравняться. <...> Цветы - это дело рук Эрота, деревья эти - его создание. По воле его и реки струятся и ветры шумят» (7, 189). Эрот – источник всего сущего, гармонии и красоты в мире.

Итак, очевидно, что образ Эрота актуален и интересен для античного писателя, однако что же можно сказать про образ его спутницы Психеи? До Апулея мы не встречаем в античной литературе эту героиню. Известен был лишь термин «душа», который разрабатывался Платоном и Аристотелем. Душа – это некая субстанция, переходящая из мира богов и идей в тела смертных и наоборот, которая, находясь в мире людей, может вспомнить прежнее идеальное состояние, созерцая красоту и гармонию, что порождает в ней любовь, и эта любовь ведёт душу к познанию истины и высшего смысла существования. При этом она обречена постоянно находиться в этом пограничном состоянии, пока, очистившись от грязи, не перейдёт навсегда в мир богов. Это роднит её с Эротом, тоже находящимся в постоянном движении от одной крайности к другой, от смерти к жизни, от счастья к несчастью, и лишь их синтез рождает красоту и гармонию. Душа умершего часто изображается на геммах саркофагов в виде девочки с крыльями, бабочки, вылетающей из личинки. Аристотель также подчеркивает связь души и бабочки, говоря, что психея с греческого - это не только душа, но и бабочка («бабочки – psychai» [5, 505]). Таким образом, размышления о душе существовали, но устойчивого мифа это не породило.

Сказка об Амуре и Психее является вставной новеллой в романе «Метаморфозы, или Золотой Осёл» и рассказывает о приключениях Психеи, пытавшейся вернуть Амура после того, как нарушила его запрет. При первом упоминании Амур описывается так: «крылатый, крайне дерзкий мальчик, который, в злонравии своем общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бегаёт ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает» (7, 437). Следующим его описывает оракул: *Будет он дик и жесток, словно ужасный дракон. Он на крылах облетает эфир и всех утомляет, Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит. Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся. (7,438)*. Позже, когда Психея зажигает лампу, он уже описывается как взрослый мужчина. «Младшая же девушка [Психея] такой была красоты чудной, такой неописанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти» (7, 437), сам автор на протяжении всего повествования называет Психею «бедняжкой» (7, 443), «нежнейшей» (7, 448), «простодушной» (7, 452) и т.д. Также Апулей часто называет свою героиню «любопытной» (7, 454), и именно любопытство дважды губит девушку (когда она решается посмотреть на Амура и когда открывает подарок Прозерпины), однако это же и привело её в итоге к бессмертию, ведь по Платону любопытство, любознательность – это жажда познания, а «вступить в общество богов нельзя никому, кроме любознательного» (19, 237) (важно отметить, что Апулей чётко следует за платоновским мифом о душе: душа несколько раз умирает и возрождается, чтобы очиститься от плохих поступков и обрести бессмертие в идеальном мире с богами, при этом именно через любовь). Сказка, учитывая философскую идею самого романа Апулея и её сюжетное сходство с историей Люция (искупление любопытства), естественно, метафорична и содержит в себе много загадок, привлекающих человеческий разум. Вот какое мнение об этом имел, например, Н.М. Карамзин: «Басня Психеи есть одна из прекраснейших мифологии и заключает в себе остроумную

имели, например, греч. карамзин. «Вася Психей есть одна из прекраснейших мифологий и заключает в себе остроумную аллегорию, которую стихотворцы затмили наконец своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно в сказании, что бог любви сочетался с Психеею (душою), земною красавицею, и что от сего брака родилась богиня наслаждения. Мысль аллегории есть та, что душа наслаждается в любви божественным удовольствием» [14, 205]. После заката Римской империи сюжет об Амуре и Психее был на долгое время забыт, всплеск интереса к этому сюжету в литературе наблюдается только в начале XVII века. Среди *autos sacramentales* (священные представления) Кальдерона имеются две небольшие пьесы о Психее, где история ее христианизирована: Психей — душа верного христианина, Амур — Христос. Но и до Кальдерона, и без налета христианизации аллегоризм старались углубить. Четвертая песня поэмы венецианца Марино «Адонис» (первая половина XVII века) посвящена истории Амура и Психеи и снабжена комментарием, в котором царство, где родилась Психей, толкуется как Мир, царь и царица — ее родители — как Бог и Материя, сестры Психеи (Души) как Плоть и Свобода воли, Венера как Похоть, а запрет видеть лицо Амура — как требование чистоты. «Психей, которую подвергает тревогам и опасностям Судьба и которая после многих мук и страданий соединяется с Любовью, есть образ самой Души, через тяжкие испытания достигающей совершенного блаженства». [22, 130] В 1669 году Жан де Лафонтен пишет повесть «Любовь Психеи и Купидона», при этом он отходит от традиций средневекового мистицизма и возвращается к первоначальному характеру романа Апулея: занимательному, игривому. Он не развивает аллегорические составляющие сказки, а концентрируется на волшебном сюжете и дополняя его. Лафонтен добавляет интересные детали, например, башня у Лафонтена заговорила не сама по себе, а по велению феи, которой жаль влюблённых, воды реки не сами по себе выбросили Психею на берег, а потому что там находились нимфы из замка Амура и т.д. Также он добавляет в повествование реалии своего времени: сам Амур похож на галантного избалованного юношу XVII века, его дворец напоминает Версаль с его развлечениями и др. Другим делает Лафонтен и конец: когда Психей открывает баночку Прозерпины (про которую Апулей тоже придумывает новую занятную историю), оттуда вылетает сажа, превратившая девушку в мавританку, но Амура это не смущает, ведь он любит её не за внешность. Рефреном звучат в повести гимны наслаждению, что созвучно как сюжету сказки, так и популярному в то время во Франции гедонизму: *Мы с детских лет к тебе влечемся, Наслажденье. Жизнь без тебя — что смерть: ничто в ней не манит.* (22,118) - вот и вся философия истории для Лафонтена. Вдохновлённый повестью Лафонтена, в 1783 году И. Ф. Богданович публикует поэму «Душенька», ставшую самым значительным произведением русской литературы на данный сюжет. Следуя за своим предшественником, Богданович создаёт своё произведение исключительно для эстетического удовольствия, «чтоб в часы прохлад, веселья и покоя приятно рассмеялась Хлоя» (8, 5), его цель — увести читателя дальше от реальности в мир игривых фантазий и смеха. Сама Душенька далека от своего прообраза: зная о своей красоте, она капризна и кокетлива, «Она же, Душенька, имея стойный стан, / Прелестные глаза, приятную усмешку, / Богиню красоты не чтит и ставит в пешку» (8, 56). Богданович добавляет русские мотивы в повествование: Душенька у него, окруженная античными статуями, наряжена в русский сарафан, дворец Амура напоминает покои Екатерины II, а наряду с оракулом и Аполлоном существуют Змей Горыныч и Кощей, однако всё это не имеет никакого значения кроме шутки и игривости. Аллюзией на Психею или, если быть точнее, на Душеньку Богдановича является Лиза из повести Пушкина «Барышня-крестьянка» (1831). В эпиграфе Пушкин указывает фразу Богдановича «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» (21, 105), что является своеобразным намёком: главная героиня повести — новая Психей. Сходства есть и в сюжете: Лиза переодевается, в русский сарафан, подобный сарафану Душеньки, запрещает Алексею искать её в деревне и спрашивать про неё (меняется местами с Амуром), боясь катастрофы, однако всё заканчивается свадьбой и торжеством любви. В Европе в 1861 году Г.Х. Андерсон пишет новеллу «Психей», где молодой талантливый скульптор создаёт мрамора «воздушную, порхающую статую Психеи, улыбающуюся небесной улыбкой» (2, 409). Все вокруг признают скульптуру шедевром, однако сам молодой человек не может справиться с тяжелым бременем гения, он закапывает статую, отказавшись от славы, принимает монашеский постриг. Под конец жизни он понимает свою ошибку: «Я зарыл в землю Твой дар — свой талант! У меня не хватило сил, Ты не дал их мне! Бессмертная Психей в моей груди...» (2, 415), однако в этот момент он погибает. Тем не менее, позже статую находят и оценивают по достоинству: «Все земное истлевает, рассыпается в прах, забывается; помнит о нем лишь звезда, свидетельница бесконечных времен; все же небесное само сияет и живет в памяти. Но и эта память может угаснуть, тогда как Психей живет вечно!» (2, 417). Главного героя сказки можно сравнить с Психеей Апулея: обоим героям божественное провидение посылает некий дар, Психее — любовь Амура, художнику — талант, но они совершают роковую ошибку, предавшись слабости. Тем не менее, как душе-Психее, так и душе скульптора позволено искупить свою вину, и душа обретает наивысшее бессмертие. Похожий сюжет разрабатывает Куприн в одноименном рассказе (1892), где похожий юноша скульптор, медленно впадающий в безумие, создаёт статую Психеи, влюбляется в неё и силой сознания «оживляет» её, попав после этого в психиатрическую больницу. Таким образом, Психей представляет собой недостижимый идеал, даже идеал собственной души творческого человека, способный свести слабого человека с ума. В России в 1898 году Валерий Брюсов пишет стихотворение «Психей», где сочувствует Психее, тоскующей по простой человеческой жизни: *И на пиру богов, под их бесстыдный смех, Где выше власти все, все — боги да богини, Не вспоминала ль ты о днях земных утех, Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыхни!*(9, 147) В этом же году Чехов пишет рассказ «Душечка». Само название отсылает нас к Психее Апулея, однако, следуя за традицией, заложенной Богдановичем, Чехов заменяет греческое имя русским аналогом. Главная героиня рассказа не может существовать без любви, она живёт и наслаждается жизнью, одаривая кого-то любовью, полностью отдавая себя. Театральный режиссёр Владимир Немирович-Данченко так высказывался о рассказе: «Душечка» — это не тип, а целый вид. Все женщины делятся на «душечек» и какой-то другой «вид», причём первых — 95 %, а вторых только 5» (9, 409). Так, в русской литературе Душечка становится целым типажом характера, разрабатываемым Богдановичем, Пушкиным и Чеховым. В 1904 году М. Волошин пишет стихотворение «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...», где образ Психеи олицетворяет душу, стремящуюся к знанию, противостоящую губительному потоку времени, ведь благодаря своему любопытству Психей обретает бессмертие («Годы несутся огромными птицами. <...> / Быстро текут очертанья. / Лампу Психеи несущая в руке — / Синее пламя познания» (10, 26)) В это же время польский писатель Е. Жулавский пишет драматическую поэму «Эрос и Психей», представляющую собой исследование философского содержания сказки Апулея. Жулавский описывает путешествие Психеи, стремящейся к истине, к гармонии в историческом контексте: Психей предстаёт то бродячей певицей в Александрии в начале нашей эры, то богатой итальянской княжной XVI века и т.д. Образы Психеи и Амура практически не меняются относительно их традиционной трактовки, но Жулавский добавляет ещё одного героя — раба Блакса, по вине которого Психей нарушает табу. Он олицетворяет в себе косное, земное начало, мешающее душе обрести гармонию, и только после того, как Психей убивает Блакса в финале драмы, освобождаясь от низменной силы, у неё появляется шанс на воссоединение с любимым. У Жулавского Психей олицетворяет всё человечество, пытающее побороть земное начало ради обретения «высшей истины». В стихотворении О.Э. Мандельштама «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (1917) Психей олицетворяет саму Россию, спускающуюся в ад революции: *Среди гражданских бурь и яростных личин, Тончайшим гневом пламеня, Ты шел бестрепетно, свободный гражданин, Куда вела тебя Психей. И если для других восторженный народ Венки свивает золотые — Благословить тебя в*

далекий ад сойдет Стопами легкими Россия.(17,297) Пишет о Психее поэт и в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920), где мы видим девушку в минуту сомнения, когда она возвращается из мира мёртвых. Перед ней стоит выбор: вернуться в мир живых обратно на свой трудный путь страданий, поиска Любви, или же остаться в мире Аида, где все относятся к ней с удивлением, вниманием, одаривают её безделушками, приятными её женской сущности («Кто держит зеркальце, кто баночку духов, — душа ведь женщина, ей нравятся безделки» (17, 109)). Анализирует сущность души-Психеи поэт Ходасевич. В стихотворении «К Психее» (1920) душа является наиболее прекрасным составляющим человеческой личности, дарующим брэнному телу возвышенное содержание: *И как мне не любить себя, Сосуд непрочный, некрасивый, Но драгоценный и счастливый Тем, что вмещает он – тебя?*(24, 126) В стихотворении «Психея! Бедная моя!» (1921) поэт исследует слабость Психеи, оправдывая её поступок тяжелой ношей «тайнослышанья»: *Дыханье робко затая, Внимать не смеет и не хочет: Заслушаться так жутко ей <...> Простой душе невыносим Дар тайнослышанья тяжелый. Психея падает под ним.*(24, 127) Наиболее объёмным и значительным произведением, написанным на данный сюжет во второй половине XX века, является роман христианского писателя Клайва Стейплза Льюиса «Пока мы лиц не обрели» (1956). Повествование ведётся от лица одной из двух старших сестёр Психеи – царевны Оруаль, эгоистичной, некрасивой девушки (при этом в романе ни разу не описаны ни её черты лица, ни объяснение, почему же она некрасива, поэтому это скорее связано с внутренним несовершенством). Психея – воплощение Добра и Красоты, её учитель, греческий раб Лис, называет её самой Добродетелью в человеческом образе, простушкой Психеей, наделенной божественной красотой и смелостью: «В присутствии Психеи всё становилось прекрасным: когда девочка бегала по лужам, лужи казались красивыми, когда она стояла под дождём, казалось что с неба льется чистое серебро. Стоило ей подобрать жабу – а она питала странную любовь к самым неподходящим для любви тварям, - и жаба тоже становилась прекрасной» (16, 24). Основным нововведением автора является то, что замок Амура становится невидимым, его видит только сама Психея, а для Оруаль, попавшей к ней, его не существует, и это порождает сомнения, заставляет Психею саму отказаться от веры в своего божественного мужа, за что и она, и сестра расплачиваются. Лишь осознав свою ошибку и пройдя через испытания, подобным тем, что пришлось пройти Психее ради искупления своего греха, Оруаль, как и Психея, познаёт Бога, обретает веру и счастье. Что касается Амура, его образ не претерпевает особых изменений. Оруаль называет его тем, ради которого существуют звезды, и земля, и солнце, сам ужас и сама красота, то есть он уподобляется христианскому Господу Богу. Так через историю Психеи автор, сам являющийся теологом, показывает о необходимости веры, порой не обоснованной логическими объяснениями, так как не всё может открыться разуму человека. Таким образом, ориентированность сюжета Апулея и образов Психеи и Эроса на общечеловеческие универсальные понятия любви и души обеспечивают неугасающий интерес к ним, начиная с античности и по сей день. Не остаётся сомнений, что вопрос о природе Души и Любви и их роли в мировой культуре ещё не исчерпаем, что, конечно, повлечёт за собой новые интерпретации сказки Апулея. Пока же ситуация такова: двойственный характер сказки Апулея (занимательный и игривый сюжет и его глубокое философское значение) порождает и порой противоположные тенденции как в европейской, так и в русской литературе. Первые европейские интерпретации сказки (Кальдерон, Марини) имеют строгую направленность на развитие философского содержания, при этом с ориентацией на христианство, вслед за ними следуют, например, в XX веке Жулавский и Льюис, тоже воспринявший сюжет с христианской точки зрения. У всех этих писателей развивается вопрос поиска душой-Психеей когда-то утраченной божественной истины любви, воссоединение с которой принесёт счастье и гармонию. Также некоторые авторы заимствуют не весь сюжет мифа, а только образ Психеи как персонификации души в её прекрасной, противопоставленной всему земному и низкому ипостаси: например, Х.К. Андерсон. Другая сторона сказки востребована в Европе во Франции, где в XVII веке Лафонтен и Мольер развивают её с эстетической точки зрения. Подобные тенденции наблюдаются и в России: с одной стороны, влияние Лафонтена обуславливает игривый характер поэмы Богдановича, а с другой – от внимания русских читателей и авторов не уходит и философское содержание мифа, что выражается как в использовании определённых эпизодов сказки (свадьба с Амуром, спуск к миру мёртвых), например, у Брюсова, Волошина, Мандельштама, Ходасевича, так и отдельного образа прекрасной Психеи-души как одной из составляющей человеческой природы (у Куприна). Однако в русской литературной традиции наблюдается одна особенность, не встречающейся в европейской литературе: образ Психеи отделяется от его персонификации философского понятия души и становится определённым типом литературных героинь, описываемых Богдановичем, Пушкиным, Чеховым: прекрасных и всеобъемлюще любящих девушек, полностью растворяющихся в любви и готовых ради неё на любые подвиги.

Литература (russian)

1. Александрийская поэзия / пер. с древнегреч., [коммент.: М. Грабарь-Пассек [и др.] ; сост. и предисл.: М. Грабарь-Пассек ; худож. Е. Коган]. - Москва : Художественная литература, 1972. - 430 с.
2. Андерсен, Х. К. Сказки, истории, новые сказки и истории / Г. Х. Андерсен. - Москва : Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. - 732 с.
3. Античная лирика : пер. с древнегреч. и лат. / [вступ. ст. С. Шервинского / сост. и примеч. С. Апта и Ю. Шульца ; пер. Л. Блуменуа [и др.]]. - Москва : Художественная литература, 1968. - 623 с.
4. Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Аполлоний Родосский ; Пер., послесл., примеч., указ., подгот. изд. Н.А. Чистяковой ; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. - Москва : Ладомир : Наука, 2001. - 237 с.
5. Аристотель. История животных / Аристотель ; [предисл., примеч. Б. А. Старостина ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т истории естествознания и техники РАН]. - Москва : Издательский центр РГГУ, 1996. - 527 с.
6. Аристофан. Комедии ; Фрагменты / Аристофан ; Пер. А. Пиотровского ; Изд. подгот. В.Н. Ярхо ; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. - Москва : Ладомир : Наука, 2000. - 1033 с.
7. Ахилл Татий. Левкиппа и Клитопонт : пер. с древнегреч. и латин. / Ахилл Татий ; [пер. с древнегреч. В. Чемберджи]. Дафнис и Хлоя / Лонг ; [пер. с древнегреч. С. Кондратьева]. Сатириконт / Петроний ; [пер. с латин. Б. Ярхо]. Метаморфозы, или Золотой осел / Апулей ; [пер. с латин. М. Кузьмина] ; [к изд. в целом]: [вступ. ст. С. Поляковой ; примеч. В. Чемберджи [и др.] ; ил. В. Бехтеева и Б. Дехтерева]. - Москва : Художественная литература, 1969. - 591 с.
8. Богданович, И. Ф. Стихотворения и поэмы / Вступ.статья,подгот.текста и примеч.И.З.Сермана. - Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1957. - 257 с.
9. Брюсов. В. Я. Собрание сочинений в семи тт. / Валерий Брюсов ; Т.1 – М., «Художественная литература», 1973. - 669 с.
10. Волошин, М. А. Стихотворения в двух томах/ Максимилиан Волошин ; Т.3. - Paris : YMCA-PRESS, 1982. - 531 с.
11. Гесиод. Теогония ; Труды и дни ; Шит Геракла ; Фрагменты / Гесиод ; Вступ. ст. В.Н. Ярхо ; Коммент. О.П.

11. Гесиод. Теогония, труды и дни, щит Геракла, фрагменты / Гесиод, вступ. ст. В.П. Ярхо, коммент. О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо; Пер. В. Вересаева, О. Цыбенко. - Москва: Лабиринт, 2001. - 253 с.
12. Еврипид. Трагедии: В 2 т. / РАН; Пер. с древнегреч. И. Анненского; Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо, Т. 1. - Москва: Наука: Ладомир, 1999. - 644 с.
13. Жулавский Е. Эрос и Психея. Драматическая поэма: В 7 действиях / Ежи Жулавский. - Киев: Л. Идзиковский, ценз., 1906. - 119 с.
14. Карамзин Н. М.. Избранные сочинения в двух томах. Том 2. - М., 1964. - С. 198-279
15. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. - М.: Академический проект, 2008. - 303 с.
16. Льюис, К. С. Пока мы лиц не обрели. Пересказанный миф: Роман / Клайв Стейплз Льюис; Пер. с англ. И. Кормильцева. - Москва: Иностранная литература: БСГ-ПРЕСС, 2000. - 303 с.
17. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Том первый. Стихотворения / Осип Мандельштам. - М.: Прогресс-Плеяда, 2009. - 808 с.
18. Мольер, Ж.-Б. Полное собрание сочинений: в 3 т. / Мольер; [пер. с фр. под ред. Н. М. Любимова; пер. В. Чернявского [и др.]; коммент. Г. Н. Бояджиева; худож. М. А. Аникст], Т. 3. - Москва: Искусство, 1987. - 717 с.
19. Платон. Диалоги; пер. с др.-греч. В. Н. Карпова. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. - 448 с.
20. По, Э. Стихотворения; Проза: пер. с англ. / Эдгар По; [сост., вступ. ст., и примеч. Г. Злобина; пер. Э. Шустера [и др.]; ил. Владимира Носкова]. - Москва: Художественная литература, 1976. - 878 с.
21. Пушкин, А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Александр Пушкин. - Москва: Государственное издательство детской художественной литературы НКП РСФСР, 1943. - 143 с.
22. Смирнов А. А., Рыкова Н. Я. Лафонтен и его повесть «Любовь Психеи и Купидона» // Лафонтен Ж. Любовь Психеи и Купидона. М.; Л. 1964. - 137 с.
23. Софокл. Драмы / Софокл; в пер. Ф. Ф. Зелинского; изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо; [АН СССР]. - Москва: Наука, 1990. - 605 с.
24. Ходасевич В.Ф.. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; Вступ. статья Дж. Малмстада. — М.: Русский путь, 2009. — Т. 1. Полное собрание стихотворений. — 648 с.
25. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Том 10 / А. П. Чехов. - М., Наука, 1986. - 496 с.

Просмотров: 1896; Скачиваний: 1;